

Еще один пример символического образа, охотно применявшегося адептами, который сильно расходился с типом мышления, присущим современной науке, мы находим в «Фигурах Солидония», иллюстрированном манускрипте конца XV века, который копировался алхимиками вплоть до конца XVIII века. Там в качестве символа алхимии представлена лошадь, вываливающая на землю вместо навоза поток золотых монет.

В литературе и иконографии алхимиков часто встречается легендарный источник молодости. На алхимических изображениях его увенчивали то Солнце и Луна (представлявшие две космические противоположности), то лучезарный карбункул (символизировавший собой красный камень). Семь притоков - соответствующих семи металлам - питают этот источник.

Трудности расшифровки алхимических текстов многократно возрастают вследствие того, что содержащиеся в них подсказки, данные адептами, беспорядочно разбросаны и преднамеренно запутаны, напоминая разрозненные части какого-то пасьянса.

Лишь очень и очень немногие из числа средневековых алхимиков достигали своей цели. Порой на протяжении долгих, казавшихся бесконечными, лет они ждали встречи с учителем, который бы открыл им секреты, необходимые для расшифровки алхимического текста.

В предисловии к своему трактату «Flos Flogum» («Цветок цветов») Арнольд из Виллановы признается, что тщетно искал философский камень в течение двадцати лет.

Духовный мир алхимика заключал в себе две неразрывно связанные одна с другой традиционные константы: неизбежное прохождение через тревоги, мрак и грозные опасности и, наконец, после успешного преодоления этих испытаний, когда душа не поддавалась отчаянию, открытие света, источника чистой и вдохновляющей радости.

Перейти от черного к белому, от гниения к растворению, от мрачной ночи к золотому рассвету - таков был великий переход к вратам жизни, слишком тесным для того, чтобы всяк мог протиснуться сквозь них.

В своих «Иероглифических фигурах» Николая Фламель писал по поводу необходимости перехода от черного к белому: «... Сними голову с этого черного человека, отсеки голову ворона, обели таким способом наш песок» {песок означает первичную материю Великого Делания).

При этом речь шла не только о том, чтобы наблюдать явления, возникавшие в реторте или тигле, - речь шла прежде всего о том, чтобы одновременно и переживать их.

Знаменитый текст Мориена провозглашает: «Я признаю, о царь, что Бог послал эту вещь (философский камень), заключив ее в вас, и, где бы вы ни находились, она будет в вас, так что нет возможности отделить ее от вас».

Не должно ли это означать, что главным содержанием Великого Делания был не кто иной, как сам человек?

Что еще могли означать слова «посетить внутренние части земли», как не погружение в нас самих, попытку познания нашей божественной сущности, которая выше нашей личной ограниченности?

Читая начало «Аллегории Источника», трактата Бернара Тревизана, мы имели возможность убедиться, что описания снов и сновидений, встречающиеся в герметической литературе, во многих случаях оказываются не просто литературным приемом, но и приложимы к опыту реальных переживаний алхимика, имевших место то ли во сне, то ли в качестве видений, посетивших его во время бодрствования. По природе своей эти переживания отнюдь не облегчают историку задачу по расшифровке алхимических текстов.

Алхимия неотделима от сознательного стремления хранить секреты. В этой связи можно признать, что имело всеобщее значение утверждение Жана де Мена, который во второй части «Романа о Розе» следующим образом предувещивал своих читателей: «В моих словах имеется также иной смысл, помимо того, какой ты вкладываешь в них, и он углубляет все произведение, буквальный смысл рассказа».